

“Превозмогание” (Коренблит – Огарёв)

1. Моя лира	- 1.46
2. Кремль	- 2.08
3. Смутные мгновенья	- 2.33
4. Отъезд	- 1.44
5. Поля	- 2.39
6. Сторона моя	- 1.12
7. Деревенский сторож	- 2.34
8. Изба	- 1.27
9. Весною	- 1.39
10. Первая любовь	- 1.39
11. Миг свиданья	- 2.41
12. Много грусти	- 1.50
13. Кабак	- 1.54
14. Свободные берега	- 1.46
15. Обыкновенная повесть	- 2.46
16. У моря	- 2.20
17. Сердце просит	- 1.31
18. Настроение	- 1.10
19. Люблю я Моцарта	- 2.43
20. Осенью	- 1.31
21. Стародавний сад	- 1.29
22. Аллея	- 1.42
23. Бесконечная борьба	- 1.38
24. Тюрьма	- 2.20
25. Превозмогание	- 1.43

Общее время звучания – 48.25

СОДЕРЖАНИЕ

1. МОЯ ЛИРА

Гуляю я в великом божьем мире
 И жадно впечатления ловлю,
 И все они волнуют грудь мою,
 И струны откликаются на лире.
 Взойдет ли день, засветит ли луна,
 Иль птица в роще темной встрепенется,
 Или промчится с ропотом волна, -
 Мне весело и хорошо поется.

Я слушаю, уходят взоры вдаль,
 И вдруг в душе встает воспоминанье,
 И воскресает прежняя печаль,
 И ноет сердце, полное страданья.
 Взойдет ли день, засветит ли луна,
 Иль птица в роще темной встрепенется,

Или промчится с ропотом волна, -
И грустно мне и хорошо поется.

2. КРЕМЛЬ

За тучами чуть видима луна,
Белеет снег в туманном освещеньи,
Безмолвны стогны, всюду тишина,
Исчезло дня бродящее движенье.
Старинный Кремль угрюмо задремал
Над берегом реки оледенелой,
И колокол гудящий замолчал,
Затворен храм и терем опустелый.
Как старый Кремль в полночной тишине
Является и призрачен, и страшен,
В своей зубчатой затворясь стене
И вея холодом угрюмых башен!
Лежит повсюду мертвенный покой –
Его кругом ничто не возмущает,
Лишь каждый час часов унылый бой
О ходе времени напоминает.

3. СМУТНЫЕ МГНОВЕНЬЯ

Есть в жизни смутные, тяжелые мгновенья,
Когда душа полна тревожных дум,
И ноша трудная томящего сомненья
Свинцом ложится на печальный ум;
И будущность несется тучей издалёка,
Мрачна, страшна, без меры, без конца;
Прошедшее встает со взорами упрека,
Как пред убийцей призрак мертвеца.
Откуда вы, минуты скорбных ощущений,
Пришельцы злобные, зачем с душой
Дружите вы, ряды мучительных видений
С их изнурительной тоской?
Но я не дам вам грозной власти над собою,
И бледное отчаянья чело
Я твердо отгону бестрепетной рукою –
Мне веру провидение дало;
И малодушия ничтожные страданья
Падут пред верой сердца моего,
Священные в душе хранятся упованья,
Они мой клад – я сберегу его.

4. ОТЪЕЗД

Ну, прощай же, брат! я поеду в даль,
 Не сидится на месте, ей-богу!
Ведь не то чтоб мне было вас не жаль,
 Да уж так – собрался я в дорогу.

И не то чтоб здесь было худо мне,
Нет! мне все как-то близко, знакомо,
Ну, и дом, и сад, и привык к стране:
Хорошо, знаешь, нравится дома.

И такое есть, о чем вспомнить мне
Тяжело, а забыть невозможно;
Да не все ж твердить о вчерашнем дне –
Неразумно, а может, и ложно!

И вот видишь, брат, так и тянет в путь,
Поголять надо мне на просторе,
Широко пожить, на людей взглянуть,
Да послушать гульливое море.

Много светлых стран, много чудных встреч,
Много сладких слов, много песен...
Не хочу жалеть! не хочу беречь!
Ну, прощай! мир авось ли не тесен.

5. ПОЛЯ

Я наконец оставил город шумный,
Из душных стен я вырвался на миг;
За мною смолкнул улиц треск безумный
И вдалеке докучный говор стих,
И вот поля равниною безбрежной
В вечернем блеске дремлют безмятежно.

Люблю я вас, вечерние отливы
И с далью неба слитый край земли,
Цветок лазурный между желтой нивы
И птички песню звонкую вдали.
О, как давно уже в тиши раздольной
Я не дышал беспечно и привольно!

Мне хорошо... но отчего ж так грустно?
Душа мягка и вместе больно ей,
И сельский быт невинный, безыскусный
Меня томит, как память детских дней.
Утратилось невинности значенье,
Тоскует грудь в тяжелом умиленьи.

О, по душе прошло с тех пор так много –
Гнет истины, ошибок суета,
Порок, страстей безумная тревога,
И сладкой жажды чувствовать тщета,
Рассудка власть и грозная работа,
И мелкой жизни мелкая забота.

Поля, поля! ваш мир меня объемлет,

Но кротких чувств он не приносит мне;
Как прежде, сердце в тихом сне не дремлет...
Вы мне теперь, в вечерней тишине,
Растроганность болезненную дали,
Слезу души и внутренней печали.

6. СТОРОНА МОЯ

Сторона моя родимая,
Велики твои страдания,
Но есть мощь неодолимая,
И мы полны упования:

Не сгубят указы царские
Руси силы молодецкие, -
Ни помещики татарские,
Ни чиновники немецкие!

Не пойдет волной обратною
Волга-матушка раздольная,
И стезею благодатною
Русь вперед помчится вольная!

7. ДЕРЕВЕНСКИЙ СТОРОЖ

Ночь темна, на небе тучи,
Белый снег кругом,
И разлит мороз трескучий
В воздухе ночном.

Вдоль по улице широкой
Избы мужиков.
Ходит сторож одинокий,
Слышен скрип шагов.

Зябнет сторож; вьюга смело
Злится вокруг него;
На морозе побелела
Борода его.

Скучно! радость изменила,
Скучно одному;
Песнь его звучит уныло
Сквозь метель и тьму.

Ходит он в ночи безлунной,
Бела утра ждет
И в края доски чугуновой
С тайной грустью бьет.

И, качаясь, завывает
Звонкая доска...

Пуще сердце замирает,
Тяжелей тоска.

8. ИЗБА

Небо в час дозора
Обходя, луна
Светит сквозь узора
Мерзлого окна.

Вечер зимний длится;
Дедушка в избе
На печи ложится,
И уж спит себе.

Помоляся богу,
Улеглася мать;
Дети понемногу
Стали засыпать.

Только за работой
Молодая дочь
Борется с дремотой
Во всю долгу ночь,

И лучина бледно
Перед ней горит.
Все в избушке бедной
Тишиной томит;

Лишь звучит докучно
Болтовня одна
Прялки однозвучной
Да веретена.

9. ВЕСНОЮ

Брожу я по лесу тропою каменистой;
Трепещут и блестят в ветвистой вышине
Зеленые листья под влагою росистой,
И сосен молодых дух свежий и смолистый
В весеннем воздухе отрадно веет мне;
Пчела жужжит, и ранний луч денницы
Встречают песнями ликующие птицы.

Схожу я к берегу на мшистый край стремнины,
Смотрю - внизу река клокочет и шумит,
За нею озимей спокойные равнины
С их юной зеленью... Всё нежные картины!
И столько счастливый и столько ясный вид,
Что, весело смотря на все живое,
Я чувствую в себе раздолье молодое.

10. ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

В вечернем сумраке долина
Синела тихо за ручьем,
И запах розы и ясмينا
Благоухал в саду твоём;
В кустах прибережных влюбленно
Перекликались соловьи.
Я близ тебя стоял смущенный,
Томимый трепетом любви.
Уста от полноты дыханья
Остались немые и робки,
А сердце жаждало признанья,
Рука – пожатия руки.

Пусть этот сон мне жизнь сменила
Тревогой шумной пестроты;
Но память верно сохранила
И образ тихой красоты,
И сад, и вечер, и свиданье,
И негу смутную в крови,
И сердца жар и замиранье –
Всю эту музыку любви.

11. МИГ СВИДАНЬЯ

Итак, с тобой я буду снова.
Мне уступить на этот раз
Судьба суровая готова
Еще один блаженный час.
Еще прекрасное мгновенье
Я в жизни скучной и пустой,
Как дар святого провиденья,
Отмечу резкою чертой;
И на страницах дней печальных,
Где много горестей святых,
Где много песен погребальных,
Где много пробелов пустых,
Где много пятен, сожалений,
Которых выскоблить нельзя,
И где так мало наслаждений
Еще успел отметить я, -
Я припишу, с душою ясной,
С благодареньем к небесам,
Еще строку любви прекрасной
К немногим радости строкам.
Скорей, ямщик, до назначенья!
Скорей гони своих коней,
Я весь горю от нетерпенья,
Мне миг свиданья дорог с ней.
Скажи: с тобой случилось, верно –

Ну, вот когда ты молод был, -
Расстаться с той, что ты безмерно
Душой и сердцем полюбил?
Ты помнишь, что тогда бывало
В груди истерзанной твоей?..
Итак, спеши ж во что б ни стало,
Гони, гони своих коней.
Вот хлопнул бич – и снег мятется,
И в брызгах пал на стороне –
Вот близко, близко – сердце бьется,
Мой друг, спеши навстречу мне...
О! с умиленною слезою,
Я на коленях пред тобой
За миг свиданья всей душою
Благодарю, создатель мой!..

12. МНОГО ГРУСТИ

Природа зноем дня утомлена
И просит вечера скорей у бога,
И вечер встретит с радостью она,
Но в этой радости как грусти много!

И тот, кому уж жизнь давно скучна,
Он просит старости скорей у бога,
И смерть ему на радость суждена,
Но в этой радости так грусти много!

А я и молод, жизнь моя полна,
На радость мне любовь дана от бога,
И песнь моя на радость мне дана,
Но в этой радости как грусти много!

13. КАБАК

Выпьем, что ли, Ваня,
С холода да с горя;
Говорят, что пьяным
По колено море.
У Антона дочь-то –
Девка молодая:
Очи голубые,
Славная такая!
Да богат он, Ваня!
Наотрез откажет.
Ведь сгоришь с стыда, брат,
Как на дверь укажет.
Что я ей за пара? –
Скверная избушка!..
А оброк-то, Ваня?
А кормить старушку?

Выпьем, что ли, с горя!
Эх, брат! да едва ли
Бедному за чаркой
Позабыть печали!

14. СВОБОДНЫЕ БЕРЕГА

На наш союз святой и вольный –
Я знаю – с злобою тупой
Взирает свет самодовольный,
Бродя обычной колесей.

Грозой нам веет с небосклона!
Уже не раз терпела ты
И кару дряхлого закона
И кару пошлой клеветы.

С улыбкой грустного презренья
Мы вступим в долгую борьбу,
И твердо вытерпим гоненья,
И отстоим свою судьбу.

Еще не раз весну мы встретим
Под говор дружных нам лесов
И жадно в жизни вновь отметим
Счастливых несколько часов.

И день придет: морские волны
Опять привет заплещут нам,
И мы умчимся, волей полны,
Туда - к свободным берегам.

15. ОБЫКНОВЕННАЯ ПОВЕСТЬ

Была чудесная весна!
Они на берегу сидели –
Река была тиха, ясна,
Вставало солнце, птички пели;
Тянулся за рекою дол,
Спокойно, пышно зеленея;
Вблизи шиповник алый цвел,
Стояла темных лип аллея.

Была чудесная весна!
Они на берегу сидели –
Во цвете лет была она,
Его усы едва чернели.
О, если б кто увидел их
Тогда, при утренней их встрече,
И лица б высмотрел у них
Или подслушал бы их речи –
Как был бы мил ему язык,

Язык любви первоначальной!
Он верно б сам, на этот миг,
Расцвел на дне души печальной!..
Я в свете встретил их потом:
Она была женой другого,
Он был женат, и о былом
В помине не было ни слова;
На лицах виден был покой,
Их жизнь текла светло и ровно,
Они, встречаясь меж собой,
Могли смеяться хладнокровно...

А там, по берегу реки,
Где цвел тогда шиповник алый,
Одни простые рыбаки
Ходили к лодке обветшалой
И пели песни – и темно
Осталось, для людей закрыто,
Что было там говорено,
И сколько было позабыто.

16. У МОРЯ

Дождь и холод! А ты все сидишь на скале,
Посмотри на себя – ты босая!
Что на море глядишь? В этой пасмурной мгле
Не видать, словно ночью, родная!
Шла домой бы, ей-богу!

"О! я знаю, зачем я сижу на скале;
Что за нужда, что сыро и скверно, -
А его различить я сумею во мгле,
Он сегодня вернется, наверно.
В бурю ловля чудесна!

Он когда уезжал, ветер страшно свистал,
Чайка серая с криком летала;
Он мне руку пожал и, смеясь, сказал:
"Ты не бойся знакомого шквала,
В бурю ловля чудесна!"

Отвязал он и лодку, и парус поднял,
Чайка серая с криком летала;
Издали еще он платком мне махал,
Буря лодку свирепо качала...
В бурю ловля чудесна!

Ветер парус его на клочки изорвал,
Чайка серая с криком летала;
И поднялся такой нескончаемый вал,
Что я лодку за ним не видала.

В бурю ловля чудесна!

Я поутру, и днем, и в полночь на скале;
Что за нужда, что сыро и скверно, -
А его различить я сумею во мгле,
Он сегодня вернется, наверно.
В бурю ловля чудесна!"

17. СЕРДЦЕ ПРОСИТ

По краям дороги
В тишине глубокой
Темные деревья
Поднялись высоко;
С неба светят звезды
Мирно свех тумана...
Сердце?.. Сердце просит
Нового обмана.

В памяти тревожной
Всё былые встречи,
Ласковые лица,
Ласковые речи;
Но они подобны
Призракам могилы,
Не вернут бывшего
Никакие силы.

О! Когда б пришлось
По дороге темной
Снова для ночлега
Встретить домик скромный,
И в объятьях жарких
Пробудиться рано...
Сердце?.. Сердце просит
Нового обмана.

18. НАСТРОЕНИЕ

Сегодня настроен мой мозг музыкально,
Всё слышатся звуки, да звуки, да звуки;
Не то бы на стуле вздремнулось печально
От горьких воспоминок и скуки.
Какая тут музыка, милый ты мой,
То в пильне машина заводит свой строй,
Да в школе мальчишки, во славу творца,
Одну ту же ноту поют без конца,
И с улицы, в помощь им, голос подвел
Усталый, забитый осел.
Не любо мальчишкам, не любо ослам,
Не любо работнику с пильной машиной,
Откуда ты музыку выдумал там?

Напев целой жизни расстроен кручиной.

19. ЛЮБЛЮ Я МОЦАРТА

Толпа на улице и слушает, как диво,
Артистов-побродяг. Звучит кларнет пискливо;
Играющий на нем, качая головой,
Бьет оземь мерный такт широкою ногой;
Треща, визжит труба; тромбон самодовольный
Гудит безжалостно и как-то невпопад,
И громко все они играют на разлад,
Так что становится ушам до смерти больно.

Так что ж? Вся наша жизнь проходит точно так!
В семье ль, в народах ли – весь люд земного шара,
Все это сборище артистов-побродяг
Играет на разлад под действием угара...
Иные, все почти, уверены, что хор
Так сложен хорошо, как будто на подбор,
И ловят дикий звук довольными ушами,
И удивляются, когда страдают сами.
А те немногие, которых тонкий слух
Не может вынести напор фальшивой ноты,
Болезненно спешат, всё учащая дух,
Уйти куда-нибудь от пытки и зевоты,
Проклятьем наградя играющих и их
Всех капельмейстеров, небесных и земных.

Люблю я Моцарта; умел он забавляться,
Дурного скрипача и слушать, и смеяться;
Он даже сочинил чудеснейший квартет,
Где все – фальшивый звук и ладу вовсе нет;
Над этим, как дитя, он хохотал безмерно,
Художник и мудрец! О, Моцарт беспримерный!
Скажи мне, где мне взять тот добродушный смех,
Который в хаосе встречает ряд утех,
Затем, что на сердце – дорогою привольной –
Так просто весело и внутренне не больно!

20. ОСЕНЬЮ

Как были хороши порой весенней неги –
И свежесть мягкая зазеленевших трав,
И листьев молодых душистые побеги
По ветвям трепетным проснувшихся дубрав,
И дня роскошное и теплое сиянье,
И ярких красок нежное слиянье!

Но сердцу ближе вы, осенние отливы,
Когда усталый лес на почву сжатой нивы
Свежает с шепотом пожелклые листья,
А солнце позднее с пустынной высоты,

Унынья светлого исполнено, взирает...
Так память мирная безмолвно озаряет
И счастье прошлое и прошлые мечты.

21. СТАРОДАВНИЙ САД

Береза в моем стародавнем саду
Зеленые ветви склоняла к пруду.
Свежо с переливчатой зыби пруда
На старые корни плескала вода.
Под веянье листьев, под говор волны
Когда-то мне грезились детские сны.
С тех пор протянулось множество лет
В волнении праздном и счастья, и бед,
И сад мой заглох, и береза давно
Сломилась, свалилась на мокрое дно.
И сам я дряхлею в чужой стороне,
На отдых холодный пора, знать, и мне,
А все не забыл я про детские сны
Под веянье листьев, под говор волны.

22. АЛЛЕЯ

Давно ли, жизньню полна,
Ты так шумела, зеленея,
А ныне стала так грустна,
Лип голых длинная аллея?

В замену листьев пал мороз
На ветви белыми иглами;
Глядят из-под седых волос
Печально липы стариками.

В ночи, как призраки, оне
Качают белой головою,
И будто кланяются мне
С какой-то дружбой и тоскою.

И самому мне тяжело!
И я стареть уж начинаю!
Я прожил вёсну и тепло,
И сердце на зиму склоняю!

Но что грустить? Весна придет –
Вновь зиму сплечем мы, аллея!
Вновь радость в сердце оживет,
Вновь зашумишь ты, зеленея.

23. БЕСКОНЕЧНАЯ БОРЬБА

Проклясть бы мог свою судьбу,
Кто весь свой век, как жалкий нищий,
Вел бесконечную борьбу

Из-за куска вседневной пищи;
Кто в ветхом рубище встречал
Зимы суровые морозы,
Кто в отупеньи забывал
Пролить над милым прахом слезы.

Не слушал томно при луне
Ни шум ручья, ни звук свирели,
А ждал в печальной тишине
Пустого дня под свист метели;

Кто ликований и пиров
Не знал на жизненном просторе,
Не ведал сладкой грусти снов,
А знал одно сухое горе.

Но много сносит человек
Средь жажды жить неутолимой,
И как бы жалок ни был век -
Страшит конец неотразимый!..

24. ТЮРЬМА

Ночь темна. Лови минуты!
Но стена тюрьмы крепка,
У ворот ее замкнуты
Два железные замка.
Чуть дрожит вдоль коридора
Огонек сторожевой,
И звенит о шпору шпорой,
Жить скучая, часовой.

"Часовой!" – "Что, барин, надо?" –
"Притворись, что ты заснул:
Мимо б я, да за ограду
Тенью быстрою мелькнул!
Край родной повидеть нужно,
Да жену поцеловать,
И пойду под шелест дружный
В лес зеленый умирать!.." –

"Рад помочь! Куда ни шло бы!
Божья тварь, чай, тож и я!
Пуля, барин, ничего бы,
Да боюсь батожья!
Поседел под шум военный...
А сквозь полк как проведут,
Только ком окровавленный
На тележке увезут!"

Шепот смолк... Все тихо снова...
Где-то бог подаст приют?
То ль схоронят здесь живого?
То ль на каторгу ушлют?
Будет вечно цепь надета,
Да начальство станет бить...
Ни ножа! ни пистолета!..
И конца нет сколько жить!

25. ПРЕВОЗМОГАНИЕ

Свисти ты, о ветер, с бессонною силой
 Во всю одинокую ночь,
Тоску твоей песни пустынно-унылой
 Еще я берусь превозмочь.

Я стану мечтать величаво и стройно
 Про будущность нашей страны, -
В доверчивой мысли светло и спокойно,
 Мне делом покажутся сны.

Я вспомню о прошлом, о жизни сердечной,
 Таинственном шепоте дев,
И детской дремотой забудусь беспечно
 Под твой похоронный напев.